

ЛОРЕНЦА ДЖЕНТИЛЕ

МАГАЗИНЧИК БЕСЦЕННЫХ ВЕЩЕЙ

Перевод Екатерины Липской

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

роман

МИОО

Романы МИФ. Прекрасные мгновения жизни

ЛОРЕНЦА ДЖЕНТИЛЕ

МАГАЗИНЧИК БЕСЦЕННЫХ ВЕЩЕЙ

Перевод с итальянского
Екатерины Липской

Москва
МИФ
2024

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Посвящается Мартино

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Жизнь — это бесконечное безрассудство.

Жуан Гимарайни Роза

Нет человека, который был бы как остров*.

Джон Донн

Чинить — значит склоняться над вещами
с любовью.

Наталья Гинзбург

* Пер. Н. А. Волжина, Е. Д. Калашникова. *Здесь и далее примечания переводчика.*

1

Выбросить — значит упустить возможность, нередко лучшую. Для чего мне вдруг может понадобится ассорти из проводов, две перегоревшие лампочки, походный компас, свисток, коробка латексных перчаток, восемнадцать обмылков, тридцать пять втулок из-под туалетной бумаги, столик в стиле рококо с подклеенной ножкой, брезент, фонарик на солнечной батарее, резная трость, абажур без лампы и гравированный нож для писем с изображением цветка?

Что ж, в этом и суть: рано или поздно все может пригодиться. Спасенная вещь может однажды спасти тебя.

Кто-то, начиная жизнь с чистого листа, уезжает на край земли, я же поехала в Милан. Пять лет назад, к бабушке, просить совета. Я была одна в целом свете, и только она могла бы мне помочь. Но вечером перед моим приездом она легла спать пораньше с легкой головной болью — и больше не встала, оставив меня наедине с моей тоской, сумкой для инструментов и глиняной фигуркой гуся в кармане.

Район остался тем же, что в детстве: магазинчики, брусчатка, трамвай, мостик, церковь. В нем все было

совершенно, он принял меня, и теперь я не покидаю его пределов. Никогда не знаешь, что может случиться с тобой снаружи.

На севере, между нами и центром города, проходит окружная дорога. Какие только представители рода человеческого не снуют по ней вдоль и поперек! Кто-то бежит в офис, в рюкзаке ноутбук, в глазах вопрос: «Зачем я это делаю?» Отсутствие выбора — для кого-то облегчение. А когда чувствуешь себя творцом своей судьбы, любое действие становится борьбой: если проиграешь — значит, с тобой что-то не так. Мне бы хотелось подойти к таким людям, обнять их и сказать: «Мне это знакомо».

А кто-то проводит на окружной дни, волоча всю свою жизнь за собой, как чемодан, потому что потерял дом. Это люди, которых засосал мегаполис, чтобы потом выплюнуть. Привычные и незаметные, как призраки. Каждый со своей историей. Я знаю об этом от Анджелины, она слушает их, когда они заходят к ней в бар* под названием «Ничто». «Это способ вернуть им существование», — заметила я однажды, и она согласилась.

Иногда за целый день никто даже не посмотрит мне в глаза, и я спрашиваю себя, есть ли я еще на этом свете. Вот в лесу падает дерево. Есть ли шум от падения, если некому слушать? Я думаю, что нет: мир не может

* Слово «бар» в итальянском языке трактуется довольно широко: так называют и бары в традиционном понимании, и кафе, закусочные, кофейни, пабы и любые другие заведения, где можно перекусить.

существовать, если нет того, кто за ним наблюдает. Так и мы: существуем, только когда на нас кто-то смотрит, когда нас кто-то слушает, когда кто-то признает, что мы есть. Поэтому мне и нравится приходить в «Ничто» и помогать Анджелине. Может, я не очень много говорю, но я слушаю — и чувствую себя живой.

По стоящей в пробках окружной ходит множество людей, застрявших на полпути, — как гусеницы, которые еще не знают, станут ли бабочками. Появится ли у них когда-нибудь в глазах этот вопрос: «Зачем я это делаю?» Будут ли они возить за собой тележку со всеми своими вещами? Или будут наблюдать вечерами закат из своего пентхауса в центре? Вернутся ли туда, откуда приехали? Встречусь ли я с ними на лестнице?

Мой район очень спокойный. С востока и запада он ограничен двумя каналами — очень важная черта. Вода напоминает тебе, что ты всегда можешь отчалить. Я стою и наблюдаю за ее течением — оно дарит мне чувство легкости и свободы, будто однажды я смогу начать все сначала, разобрать прошлое, как старый шкаф, и собрать из него что-то новое.

Тем чудачкам, которые ловят рыбу в канале, быть может, кажется еще более странным, что мы едим замороженную суповую смесь из супермаркета, где намешаны восемь видов рыб и ракообразных, импортированных из Индии, Китая, Перу, Греции, Аргентины и Индонезии, собранных вместе еще в какой-нибудь стране и приправленных сульфитами и прочими добавками. Возможно, стоит отстоять свою точку зрения, но я не решаюсь. Мне нравятся люди, и я хочу нравиться им, поэтому молчу, когда ловлю на себе косой

взгляд, и улыбаюсь, как бы извиняясь за то, что я такая странная.

По правде говоря, в свой Ноев ковчег я бы не стала брать супермаркет. Зачем покупать, скажем, шампунь, содержащий нефтепродукт парафин, когда можно помыть голову кашицей из нутовой муки с теплой водой?

Зачем покупать китайскую вазу, если есть бутылка из-под стирального порошка, которую к тому же можно найти на улице? И зачем вообще покупать порошок, если есть уксус, сода и хозяйственное мыло?

Мы тратим время на работу, которая нам не нравится, чтобы покупать вещи, которые нам не нужны. А на самом деле нужно просто уметь вертеться. Меньше работать и больше вертеться, как говорил мой отец.

Работы на свете какой только нет, я вот работаю в нашем доме мастером. Часто люди мне не доверяют, говорят, не женское это дело. Обычно мастера — это мускулистые мужчины в униформе. Что ж, униформу ношу и я — джинсовый комбинезон, к которому я пришла карманы. И когда кто-то узнаёт, сколько всего я могу починить, собрать, разобрать, почистить и прикрутить, то, как правило, звонит мне.

Для хорошей жизни многого не нужно. Кроме умения вертеться, нужно немножко хорошего настроения. Но хорошее настроение смастерить не получится, да и на дороге его найти сложновато.

Кто-то говорит, что жить одному грустно, особенно когда тебе двадцать семь лет, как мне. По крайней мере, никто не предъявляет претензий, когда я улыбаюсь с застрявшей в зубах зеленью или надеваю разные

носки. И в конце концов, я *не одна*. В моей жизни есть синьора Далия, консьержка нашего дома; Трофео, мой шестидесятилетний сосед, который еще ни разу не вымолвил ни слова; Анджелина, хозяйка забегаловки «Ничто», и ее сын Эудженио, который хочет стать водителем автобуса; и не будем забывать про владельцев магазинов по соседству и всех людей, с которыми я сталкиваюсь, бегая по делам, с которыми мы обмениваемся улыбкой и порой желаем друг другу доброго дня. Эти любезности значат очень много — это искры, которые зажигают день. В такие моменты я чувствую себя одним целым с жизнью и будущее меня пугает чуть меньше.

Иногда я просыпаюсь среди ночи с колотящимся сердцем и мне кажется, что я все еще в деревне. В дверях стоит мой отец в клетчатой рубашке, с нечесаной бородой и говорит мне, что с кошмарами нужно встречаться лицом к лицу, ведь они часть нашей жизни. Он боролся со своими двадцать лет. Бывали периоды, когда моя коллекция кошмаров пополнялась каждый день, мне было до ужаса страшно, но признавалась я в этом только своему брату Андреа. Он когда-то вычитал в подобранной на улице книжке, что это последствия *психологического стресса*. Он говорил, что я, вероятно, страдаю от этого стресса, так что в какой-то момент рассказывать ему о кошмарах я перестала. Если мне снился кошмар, я молчала и старалась о нем забыть. От мысли, что со мной что-то не так и что это нельзя вылечить, у меня начиналась тахикардия.

Кошмары мне все еще снятся, некоторые повторяются, но бороться с ними я так и не научилась.

В худшем из них ночь за ночью я заново переживаю то, что случилось на самом деле. По моей вине.

Я просыпаюсь в холодном поту, руки дрожат так сильно, что я даже не могу взять стакан с водой, который каждый вечер ставлю на тумбочку. Приходится приподниматься на кровати и делать глубокие вдохи, пока я не успокоюсь и не пройдет страх. Ну, по крайней мере, кошмары стали реже. Этот мир порой пугает всех, но кого-то немного больше.

Такие приступы у меня случаются и днем, в моменты, когда меньше всего их ждешь. Когда я режу кабачки, чиню бачок унитаза или несу домой полезную штукковину, которую где-то откопала. Кровь приливает к голове, сердце проваливается в черную дыру, в горле пересыхает, в мозгу случается короткое замыкание, и я с трудом могу вспомнить, кто я. Мне кажется, что нужно скорее ехать в больницу, и эта мысль настолько меня ужасает, что я успокаиваюсь.

Не знаю, замечают ли что-нибудь окружающие: я ничего не говорю, фокусирую взгляд на одной точке, хочу вызвать скорую помощь и жду, пока все пройдет. По ощущениям это занимает вечность, но на самом деле — пару минут.

Я где-то прочитала, что нужно обращать внимание на то, что происходит перед приступом. Например, я нарезаю кружочками кабачки, смотрю на нож, лезвие ловит луч света, я представляю, как нож вдруг выскальзывает у меня из рук и отрубает мне палец, — *щелк*, и приступ. Вода заполняет бачок, добирается до нужной отметки, но вдруг она не перестанет прибывать, вдруг перельется через край и затопит весь дом? *Щелк*.

Вот что происходит перед приступом — *вдруг*. Предположение, возможное несчастье. Вдруг поезд сойдет с рельсов. Вдруг дождь не прекратится. Вдруг я не наберу новые заказы. Вдруг соседи не выключат газ. Вдруг я не найду любовь. Вдруг вся моя жизнь — сплошная иллюзия?

«*Вдруг*» — коротенькое слово, которое высасывает из меня душу, отрывает меня от себя самой, наводит на мысль: вдруг я не существую? Вот я и существую только в своей голове, надеясь, что окружающие не заметят моего исчезновения.

Однако любое землетрясение начинается с небольшого толчка. Как когда я приехала в Милан просить совета у бабушки, а ее уже не было.

Как говорят в этих краях, не высывайся — и не будет проблем. Так я для себя и решила. И все же у меня есть чувство, что я не ошиблась, выбрав это место. По крайней мере, не сильно. В чем-то же мне должно повезти. Мир полон опасностей, катастрофы поджидают на каждом углу. Да поможет мне удача.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

